

К 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941-45 гг.

**ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИ В ГОДЫ ВОЙНЫ
(К 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ СОВЕТСКОГО НАРОДА В ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ)***

©2020 г. Ю.Н. Олейник*, М.Д. Няголова**

*Кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей психологии и истории психологии, Московский гуманитарный университет; 111395, г. Москва, ул. Юности, 5; e-mail: yurii03@mail.ru

**Кандидат психологических наук, доцент истории психологии Великотырновского университета имени Святых Кирилла и Мефодия, г. Велико Тырново, Болгария; 5003 Болгария, г. Велико Тырново, ул. «Теодосий Тырновски» № 2; e-mail: mdnyagolova@mail.bg

Поступила в редакцию 28 июня 2020 г.

Аннотация. Статья посвящена изучению проблемы развития советской психологии в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. *Целью* проведенного исследования было выявить особенности развития психологии в указанное время, обозначить основные темы научных работ психологов военного периода и определить перспективные линии современных исследований по указанной проблеме. Выявлены трудности, которые мешали использованию профессиональных психологических знаний для решения задач военного времени. Проведен историографический анализ представлений современных исследователей об основных направлениях профессиональной деятельности психологов в годы войны. Показано, что к ним могут быть отнесены психофизиологические исследования зрения и слуха; восстановление нарушенных в результате ранений и мозговых травм психических функций красноармейцев; восстановление трудоспособности инвалидов войны; психологические основы боевой деятельности; изучение общепсихологических, психолого-педагогических и историко-психологических проблем. Обозначено влияние решения психологических задач в годы войны на развитие психологической науки в послевоенные годы: укрепление статуса психологии в обществе; расширение отраслевой структуры психологии и повышение ее авторитета в кругу научных дисциплин; расширение сети региональных психологических центров; развитие позитивного самосознания психологов и психологического сообщества в целом; укрепление интереса к разработке фундаментальных психологических проблем; рост творческой продуктивности психологов; обогащение

---

* Работа подготовлена в рамках научно-исследовательского гранта РФФИ № 18-513-18017 и в рамках научно-исследовательского Гранта Болгарского фонда научных исследований № ДНТС Россия 02/19 от 18.06.2018 «Развитие психологии в Болгарии и Советском Союзе в период Второй мировой войны: характеристики, особенности, последствия».

психологии новыми формами междисциплинарного взаимодействия. Охарактеризован феномен общества как «коллективного психолога». В качестве выводов обозначены перспективные направления дальнейших исследований по проблеме «Психология и война»: изучение феномена «обратной междисциплинарности» ярко проявившегося в годы войны; рассмотрение советского общества в годы войны с использованием категории «коллективный субъект»; изучение форм, методов, механизмов и закономерностей коллективной самопомощи и коллективной самозащиты от тяжести психологических проблем военного периода.

Ключевые слова: история психологии, советская психология, военная психология, коллективный субъект, Великая Отечественная война, коллективный психолог, направления деятельности психологов, К.К. Платонов, Б.Г. Ананьев, Ф.Н. Шемякин.

DOI: 10.38098/ipran.sep.2020.18.2.001

22 июня 1941 г. вероломным нападением фашистской Германии на СССР началась Великая Отечественная война, длившаяся более четырех лет. Эти тяжелейшие годы в истории нашей страны стали примером всенародного Подвига, который поражал вчера, восхищает сегодня и будет вызывать глубокое уважение завтра. Его сакральный смысл состоит в том, что он продемонстрировал силу народного духа, преподал на многие годы вперед будущим поколениям урок превосходства силы морально-психологической и духовно-нравственной стойкости человека над другими регуляторами поведения. Опыт развития советской психологии в годы Великой Отечественной войны позволяет извлекать уроки, которые и сегодня актуальны для организации жизни психологического сообщества и формирования психолога как профессионала и гражданина своей страны (Олейник, Няголова, 2019).

30 июня 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР, Совет Народных Комиссаров СССР и Центральный Комитет ВКП(б) «ввиду создавшегося чрезвычайного положения и в целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР для проведения отпора врагу» (Горьков, 2002, с. 495) принимают Постановление о создании Государственного Комитета Обороны (ГКО),

который сосредоточил «всю полноту власти в государстве» (там же). В состав ГКО входило пять человек: И.В. Сталин (председатель), В.М. Молотов (заместитель председателя), К.Е. Ворошилов, Г.М. Маленков и Л.П. Берия. Именно эти государственно-политические деятели приняли на себя ответственность перед страной и историей за дальнейший ход событий. Однако можно с полным основанием говорить и о главном, шестом, участнике ГКО – Советском Человеке. По сути, каждый гражданин СССР, преломляя в индивидуальном сознании обрушившуюся на страну беду, брал на себя ответственность за ее будущее. Именно поэтому достижение Победы в этой войне приобрело характер общего дела для подавляющего числа советских людей.

Важнейшей составляющей это общего дела была, безусловно, *психологическая компонента*. Война, тем более мировая, выявила широкую совокупность психологических вопросов и проблем, которые надо было решать и решать быстро и эффективно. И речь в данном случае, конечно, идет не только о вкладе непосредственно психологической науки и психологов в решение задач военного времени. Эта тема получила хотя и не завершенное (если такое вообще возможно, учитывая появление все новых источников, ранее недоступных исследователям), но уже существенное отражение в обстоятельных, важных и интересных публикациях, посвященных этой тематике (см. работы Б.Г. Ананьева, О.А. Артемьевой, А.В. Барабанщикова, А.В. Белоусова, С.А. Богданчикова, Е.Ю. Вороновой, Е.П. Гусевой, М.И. Дьяченко, А.Н. Ждан, Б.В. Зейгарник, С.Л. Кандыбовича, Р.А. Каничевой, В.А. Каращан, А.Г. Караяни, Е.А. Климова, В.А. Кольцовой, Е.В. Левченко, Н.А. Логиновой, О.Г. Носковой, М. Няголовой, Ю.Н. Олейника, С.Л. Рубинштейна, С.Я. Рубинштейн, Н.А. Рыбникова, О.Е. Серовой, А.А. Смирнова, А.В. Ярмоленко, Психология Великой Победы советского народа (1995) и мн. др.). Представляется, что сегодня надо вести речь уже о

путях решения всего комплекса психологических проблем и вопросов, возникших в СССР в связи с началом военных действий на территории нашей страны, которые невозможно было решить только усилиями профессиональных психологов. Поэтому в их решение активно включались специалисты всей совокупности человековедческих профессий (в первую очередь педагоги и медики), но и этого было бы недостаточно, если бы сам советский народ не выступил «коллективным субъектом» (используя современную психологическую терминологию), не стал своеобразным «коллективным психологом», когда каждый человек при поддержке окружающих и сам, поддерживая других в сложнейших жизненных условиях, преодолевал кризисные ситуации на основе интуиции, жизненного опыта и, в конечном счете, на основе обыденных психологических представлений.

Для этого, самое главное, необходимо было решить ключевой вопрос – консолидировать общество на достижение *общих целей* – защиты Отечества и разгрома фашизма. В таком случае, психологические проблемы отдельного человека встраивались в реализацию общей сверхважной и сверхценной идеи. При этом следует согласиться с мнением, что «хотя общество не было социально монолитным, но было намного более социально однородным, нежели перед Первой мировой войной, мотивы участия в которой для десятков миллионов людей были весьма невняты. Теперь следующее поколение было готово защищать завоевания Великого Октября, свою страну и свою власть. И Красная армия была действительно народной, а не сословной, кастовой, как до революции» (Сенявский, 2012. с. 14).

Таким образом, актуальной и перспективной *проблемой* для историков психологии является исследование того, как решались в своей массе многочисленные и разнородные психологические проблемы военного времени советскими гражданами и обществом в целом. Можно *предположить*, что в наши дни для ответа на эти вопросы конструктивным будет использование

понятия «коллективный субъект», активно разрабатываемого в современной психологии (Журавлев, 2018).

Трудности использования возможностей психологической науки в решении задач военного времени

Одной из задач, может быть, ведущей в ряду других, позволяющих достигнуть объединения и консолидации советского общества для отпора фашистской агрессии, являлось создание соответствующей психологической атмосферы в обществе. Атмосферы уверенности в том, что «Враг будет разбит, победа будет за нами!». Задача трудная, учитывая:

- предвоенные особенности развития советского общества (массовые репрессии, череда судебных дел по раскрытию «вредителей», «шпионов», «врагов» внутри самой страны), что, по сути, должно было сформировать у значительной части населения страны если не негативное, то по крайней мере индифферентное отношение к государственной и политической власти СССР, и, соответственно, о патриотизме речь не должна была бы идти;

- вероломство начала войны, что привело на начальном ее этапе к значительным людским и территориальным потерям, и, соответственно этому, формированию у некоторых граждан пораженческих и панических настроений;

- сложная международная обстановка, связанная с тем, что фашистская Германия очень быстро оккупировала практически всю Европу, и Советское государство осталось фактически в одиночестве перед хорошо подготовленным к войне врагом, объединившим военный и экономический потенциал ведущих европейских государств (после завоевания основных европейских стран, промышленный потенциал Германии стал вторым в мире после США).

Все это знали и учитывали лидеры германского нацизма, спланировав, а затем и реализовав акт вероломного нападения на нашу страну. Они думали, что все вышеперечисленное будет способствовать достижению стратегии

блицкрига – молниеносной войны (Blitzkrieg) на Востоке. Тем более, что в Европе она была осуществлена более чем успешно¹.

В этих условиях перед советским государственным и политическим руководством, конечно, стояла задача нейтрализации (купирования) этих факторов и формирования принципиально иных, мобилизующих установок в обществе. Другими словами, возникла собственно психологическая задача – обеспечить скорейшую консолидацию и объединение усилий всех национальных, социальных, общественных, профессиональных, половозрастных и других групп населения в интересах защиты Родины, сформировать в обществе поведение и мотивацию на достижение сверхцели – выстоять в отражении вероломного военного натиска и победить врага. При этом надо было, не отказываясь от коллективистических установок, донести этот мобилизующий посыл до каждого советского человека, использовать потенциал отдельной личности в интересах достижения единой общественной задачи. И реализовать это надо было в кратчайшие сроки, в разных формах, с использованием всех доступных способов и методов убеждения, воздействия, а иногда и принуждения. Конечно, в такой ситуации существенную помощь могло бы оказать использование возможностей и достижений психологической науки.

Несмотря на то, что это задача была по своей сути психологической, решить ее только усилиями психологов не представлялось возможным в силу целого ряда объективных и субъективных обстоятельств:

Во-первых, собственно психология никогда не была «допущена» в советском государстве к разработке стратегии или тактики государственного,

---

¹ Польша была завоевана за 27 дней, Дания – за 24 часа, Норвегия – за 23 дня, Голландия – за 5, Бельгия – за 18, Франция – за 39, Югославия – за 12, Греция – за 21 день и Крит за 11. Стремительное завоевание Франции, Бельгии и Голландии, и поражение Британских экспедиционных сил заняло у немцев шесть недель и стоило им чуть более 27 тысяч убитых.

общественного, социального и военного строительства и развития, она в этом отношении скорее лишь «обслуживала» и обосновывала идеи, сформулированные политическими или идеологическими доктринами, деятелями и структурами. Поэтому скорее всего не очень обоснованы упреки психологам того времени в их недалекости, как пишет об этом А. Караяни: «В 1941 году российские психологи, к сожалению, не смогли обнаружить приближающуюся беду... Эта профессиональная близорукость наших психологов дорого обошлась им, психологической науке и практике военного времени. Из-за нее многие выдающиеся психологи воевали с врагом на должностях, на которых их профессиональный потенциал не был востребован» (Караяни, 2010, с. 30). Если и говорить о близорукости, то, конечно, не психологов, а политического руководства страны, которое не только не увидело потенциала и возможностей психологии в укреплении боеспособности РККА, но и вообще недооценивала вероятность начала войны в 1941 г.

Во-вторых, в силу фактической ликвидации прикладной психологии после Постановления ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г. «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» число психологов (включая в это число педологов и психотехников, которые оставляли значительную часть психологического сообщества) существенно уменьшилось: отдельные исследователи были расстреляны, часть ученых была репрессирована, многие специалисты переквалифицировались в педагогов, физиологов и стали заниматься смежными областями знания, а *практико-ориентированная психологическая проблематика* в значительной мере была «экспроприрована» политэкономическими, философскими, биологическими, медицинскими и другими дисциплинами.

В-третьих, сама психология не была готова к решению серьезных проблем социально-психологического характера – мобилизация

психологических ресурсов больших социальных групп, сплочение общества с использованием психологического инструментария и методов и др. В этот исторический период существовало своеобразное «табу» на разработку вопросов социальной и общественной психологии – все вопросы такого характера решались не профессиональными психологами, а политическими и идеологическими работниками и не с позиции учета психологических факторов, механизмов и закономерностей, но через политико-идеологическую целесообразность момента. Так, считалось, что высокий моральный дух войск обеспечивается исключительно идейно-политическим влиянием на них посредством пропаганды, политических занятий и политической подготовки, «психологическая же подготовка личного состава армии и военно-морского флота к боевым действиям расценивалась скорее как выдумка учёных-психологов» (Петрук и др., 2010, с. 73).

В-четвертых, в канун войны в стране отсутствовала институционализированная система психологической службы в армии и флоте или хотя бы координация военно-психологических исследований. Вопросы и проблемы военной психологии не разрабатывались, а те важные и потенциально продуктивные организационные структуры, которые сформировались в период после революции и сразу после гражданской войны и могли бы обеспечить разработку хотя бы отдельных психологических тем военной психологии, были ликвидированы или их деятельность была перепрофилирована (см., например: Радюкин и др., 2010; Дьячук, 2019). Изучение хотя бы основ психологических знаний не предусматривалось ни в системе подготовки младшего и среднего офицерского состава, ни в подготовке высшего командного звена. Поэтому, следует согласиться с выводами историка психологии С.А. Богданчикова, что «накануне Великой Отечественной войны военная психология в СССР организационно (формально) не существовала: не было учебников по военной психологии, кадры военных психологов не

готовились; отдельные прикладные и эмпирические исследования в области военной психологии проводились в рамках военной педагогики и военной медицины, что отражало положение дел с прикладными и эмпирическими исследованиями в советской психологии в целом» (Богданчиков, 2015, с. 252).

Характерно в этом отношении свидетельство, приводимое в статье Н.Д. Лысакова «Опыт подготовки командных кадров в Военно-воздушной Академии в годы Великой Отечественной войны». Он пишет, что «ответственно руководство академии подходило и к вопросам морально психологической и идейной (политической) подготовки слушателей. Эти вопросы отрабатывались на кафедрах основ марксизма-ленинизма и политической экономии» (Лысаков, 2020, с. 50). Как нам представляется, если относительно идейной (политической) подготовки вопросов не возникает, то относительно морально-психологической – возникает: почему бы это не делать в рамках кафедры психологии, профилированной под такую подготовку? Ответ достаточно прост – в академии в числе 15 кафедр, созданных при ее организации и открытии в сентябре 1940 г., такой кафедры просто не было. Кажется, она даже и не предусматривалась. При этом общий контингент слушателей академии, включая различные курсы, составлял более 2 тыс. человек. Таким образом, значительная часть военнослужащих одного из самых высокотехнологичных на тот период видов вооруженных сил, вероятнее всего, не получала должной психологической подготовки или получала ее в изложении преподавателей политико-идеологических дисциплин, но не психологов. И это несмотря на то, что к этому времени уже была издана книга К.К. Платонова «Конспект курса психологии» (1936), в которой специально рассматривались «фундаментальные категории психологии в применении к авиационной деятельности, а также вопросы обучения и воспитания личности летчиков» (там же, с. 52).

В-пятых, не была проведена систематическая работа по обобщению и использованию опыта русско-японской (1904-1905 гг.), Первой мировой (1914-1918 гг.) и Гражданской войн (1918-1922 гг.) в части выявления роли и значения психологической составляющей в успешных военных действиях. Между тем было издано значительное количество интересных публикаций на эту тему², включавших рассмотрение различных аспектов такого опыта (см. работы Н.Н. Головина, М.И. Драгомирова, П.И. Измestьева, Н.А. Корфа, С.А. Кузьмина, Г.Е. Шумкова, Н.А. Ухач-Огоровича и др.). Этот опыт, полученный в ходе кровопролитных войн, проанализированный и обобщенный участниками этих военных действий, в целом оказался фактически не востребуемым руководством РККА, а если и использовался, то лишь отдельными офицерами и военачальниками в формате повышения своего личного профессионализма, мастерства и саморазвития. Как справедливо отмечается, «к сожалению, в советское время эта важная и неотъемлемая часть российского военно-культурного наследия была в значительной степени утрачена или искажена. Для советской военно-психологической науки оказались характерными две крайности: первая – уклон в медицину (физиологию и психиатрию), и вторая – смешение психологии с идеологией, подмена анализа духовных явлений пропагандистскими лозунгами и декларациями. При этом нередко терялось главное – мысли, чувства человека на войне, реальные психологические механизмы его поведения» (Сенявская, 1999, с. 5). Еще хуже была ситуация с психологическим анализом опыта боевых действий РККА в самый канун войны – боевых действий в ходе советско-японских конфликтов у озера Хасан и на реке Халхин-Гол (1938-1939 гг.) и советско-финской войны (ноябрь 1939 – март 1940 гг.) – специально и

---

2 Только за период с 1900 по 1917 гг. по подсчетам известного военного историка Е.С. Сенявской, в печати появилось более 100 публикаций, посвященных психологии боевой деятельности (Сенявская, 1999, с. 4).

целенаправленно его просто никто не проводил и не обобщал. Поэтому, как уже отмечалось, «командиры военной поры, ставшие психологами в силу обстоятельств», на свой страх и риск, например, «корректировали требования боевых уставов, руководств и наставлений по огневой подготовке, максимально приближая их к реальной боевой действительности» (Караяни, 2010, с. 32) или «стремились внедрять на занятиях по тактике боевых действий подразделений элементы психологической закалки личного состава (пулеметные стрельбы в промежутках, а также поверх голов наступающих подразделений, обкатка пехоты танками, пребывание в противогазах в камерах окуривания и т.п.)», хотя «глубокого теоретического обоснования такая работа не находила ни в период войны, ни длительное время после ее окончания» (Петрюк и др., 2010, с. 73).

Таким образом, в полном объеме потенциал психологической науки – кадровый, теоретический, практический и методический, в целом не был востребован государством ни в последние предвоенные годы, ни в начальный период войны для решения возникающих в советском обществе с началом военных действий психологических проблем. Между тем их в современной трактовке, конечно, было достаточно много – от макропсихологических до собственно социально- и индивидуально-психологических: морально-психологическая консолидация общества, создание атмосферы уверенности в победе над врагом, несмотря на неудачи первого периода войны, шок и психотравматизация от потери близких, вынужденная миграция населения в ходе эвакуации и адаптация к новым жилищно-бытовым и социально-психологическим условиям жизнедеятельности, активизация духовных, психологических и психофизиологических резервов человека для преодоления тяжелейших и сложнейших условий жизни на фронте и в тылу, травматический шок и его купирование и многие другие. Кроме этого, еще были психологические проблемы отдельных групп населения – детей и подростков,

красноармейцев и работников тыла, пожилых людей и инвалидов, возвращающихся с фронтов войны.

К вопросу об основных направлениях научной и научно-практической деятельности психологов в годы войны

Среди психологов того периода довольно сильными были (как и в обществе в целом) не столько профессиональные, сколько *гражданственные* и *патриотические установки* и мотивы поведения.

Поэтому многие из них (особенно в связи со сложным положением на фронтах в первые месяцы войны) уходили добровольцами в ополчение или действующую армию, а не использовали свои профессиональные знания в интересах достижения Победы, тем более что часть психологов, особенно молодые исследователи и аспиранты, подлежали военному призыву. Как отмечал в книге своих воспоминаний выдающийся советский нейропсихолог А.Р. Лурия: «Чувство общей ответственности и общей цели охватило всю страну. Каждый из нас знал, что мы обязаны объединиться с нашими соотечественниками, чтобы противостоять смертельной опасности. Каждый из нас должен был найти свое место в этой борьбе – или непосредственно защищая свою страну, или работая в оборонной промышленности, которая была эвакуирована в отдаленные районы страны, или восстанавливая здоровье и трудоспособность раненых» (Лурия, 1982, с. 129).

Советские психологи (в том числе и в силу слабой востребованности государством в соответствии с их профессиональными компетенциями) идентифицировали себя, в первую очередь, как советских граждан, а не как специалистов и профессионалов, считая, что они будут полезны обществу в этот сложный для страны период хотя бы в таком качестве. И это было типично не только для психологов. Как отмечается, «в обществе господствовала установка выполнить патриотический долг – идти на фронт» (Телятников, 1995,

с. 8). Очень характерны в этом отношении воспоминания известного советского психолога Ф.Н. Шемякина (1899-1980 гг.), изложенные его учеником, писателем и философом, членом Союза писателей России А.П. Торопцевым. Он пишет, как ученый вспоминал, что «уже в первый день войны (в воскресный день!) в райкомы партии пришли сотни коммунистов, готовых отправиться на фронт», что «на фронт просились все: рабочие и колхозники близлежащих деревень и сел, писатели и ученые, начальники и подчиненные, преподаватели и врачи, скульпторы и художники, юнцы и старики... Все, все просились на фронт. На фронт просились семьями. Командиром одного из орудий батареи 76-мм пушек был философ Бонифатий Михайлович Кедров, его жена – Т.Н. Ченцова, научный сотрудник биохимического института им. А.М. Баха, стала подносчиком снарядов у мужа-командира» (Торопцев, 2019). Отметим, что сам Шемякин, уйдя на фронт в 1941 г., вернулся из Германии лишь в 1953 г. в звании подполковника.

И вместе с тем следует отметить, что в годы войны психологи в самых разных формах и направлениях деятельности успешно реализовывали и свой *профессиональный* теоретический и практический потенциал.

Несмотря на немногочисленность профессионального сообщества психологов, спектр направлений и тематики, по которым они успешно работали и проводили исследования, был более чем широк. Однако происходило это скорее по инициативе самих психологов, а не по специальному заказу общества³. Запрос общества, скорее даже государства, был один – «Все для фронта, все для Победы!», и уже каждый гражданин решал, каким образом он

---

³ Этот тезис призван подчеркнуть, что планомерной и целенаправленной организации деятельности психологов не осуществлялось, хотя, безусловно, привлечение психологов для решения конкретных и оперативных задач и создание условий при проявлении ими инициативы обеспечивалось поддержкой государства и соответствующих организационных структур.

будет откликаться на этот призыв, – используя свой профессиональный потенциал или реализуя собственно личностный, человеческий ресурс.

В отечественной историко-психологической литературе достаточно полно перечислены основные направления исследований и разработок психологов в интересах оборонной (и не только) тематики. Для их структурирования авторы использовали различные критерии: важность и эффективность для решения боевых задач (Караяни, Кандыбович, 2020), исследуемые психологические феномены и явления: мотивы, способности, навыки, ощущение и т.д. (Рубинштейн, 1943), соотнесенность исследований со структурно-тематическими разделами психологии (Ждан, 2015; Кольцова, Олейник, 2005, 2006), совмещения направлений исследований, их результатов и форм деятельности психологов в годы войны (Рыбников, 2015; Серова, 2020).

Некоторые типологии вообще не предусматривают выявление единого основания направлений и форм деятельности психологов, ограничиваясь их достаточно случайным перечислением: «Деятельность психологов в данный период времени можно разделить по нескольким направлениям. 1. Психологическое сопровождение (реабилитация, психофизиологический отбор, зачатки психологической подготовки). 2. Работа по маскировке постоянных сооружений в рамках противовоздушной обороны тыловых объектов. 3. Работа в эвакуационно-восстановительных госпиталях. 4. Работа в школах и вузах. 5. Работа с подростками без попечения, в детских домах» (Холопова, Толстых, 2015, с. 267-268).

Объяснением такой многоаспектности в вопросах анализа и рефлексии направлений и форм деятельности психологов в годы Великой Отечественной войны, является тот факт, что в этот период принцип единства теории, эксперимента и практики получил свое яркое и конструктивное проявление и реализацию (Кольцова, Олейник, 2018). Действительно, достаточно сложно отделить тематику научных исследований от разработки конкретных

практических рекомендаций по их результатам. Строго говоря, и теоретические исследования, и практические разработки и были тем вкладом психологов в решение единой государственно-общественной задачи – достижение победы над врагом которыми мы сегодня гордимся.

Однако вне зависимости от оснований группирования этих направлений деятельности психологов в годы войны разными авторами, несомненным являются теоретическая значимость, практическая эффективность и прикладная результативность проводимой психологами работы.

Обобщая представленные в литературе типологии и перечни направлений исследований и практической деятельности психологов, не претендуя на завершенность и исчерпывающую полноту⁴, можно говорить о следующих основных направлениях исследовательской и практической *профессиональной* деятельности психологов в годы войны:

Первое направление деятельности, на которое указывают все специалисты, изучавшие проблему развития психологии в годы Великой Отечественной войны, – это психофизиологические исследования зрения и слуха. Тематика здесь была обширна и соотносилась в первую очередь с изучением и анализом:

- сенсорных и перцептивных процессов в целях выявления и создания, с одной стороны, условий снижения заметности военных объектов, крупных архитектурных памятников и промышленных зданий (военная маскировка), а с другой – условий и способов, позволяющих обнаруживать и идентифицировать противника как можно раньше (например, налеты вражеской авиации);

---

⁴ Продолжающиеся исследования этого периода, новые архивные материалы и документы постоянно дают исследователям возможность расширять перечень форм и направлений участия психологов в решении задач военного времени, тематику проводимых исследований и решаемых психологами задач.

- способов повышения чувствительности зрительного и слухового анализаторов в целях повышения эффективности обнаружения противника в любое время суток;

- факторов максимальной сенсбилизации органов чувств и условий наилучшего различения воспринимаемых объектов.

Второе направление было связано с восстановлением нарушенных в результате ранений и мозговых травм психических функций красноармейцев. Психологи проводили в этом отношении большую и важную клиническую работу:

- по восстановлению движений, работая с такими нарушениями, как двигательные дефекты интеграции (парезы, нарушения тонуса и координации движений) и дезинтеграция двигательных актов (апраксии или нарушения структуры действий);

- по компенсации дефектов речевых функций – нарушения артикулированной речи, понимания константного смысла слов и спонтанного воспроизведения речевых образцов, затруднения в различении речевых звуков и др.):

- коррекции нарушений динамики мыслительных и познавательных процессов, дефектов праксиса и гнозиса – оптическая агнозия, сужение поля зрительного восприятия, нарушения счета и пространственных операций и др.

Фактически не осталось ни одного серьезного мозгового нарушения, применительно к которым психологами не были бы выработаны лечебно-восстановительные методики и процедуры, основанные на знании психологических и психофизических закономерностей. По сути, именно в годы войны сформировалась новая область отечественных психологических исследований – нейропсихология, институционализированная как самостоятельная отрасль психологии уже в послевоенные годы.

Третье направление научно-практической деятельности психологов – было связано с восстановлением трудоспособности инвалидов войны на основе психологических принципов организации трудотерапии и трудового обучения, приспособления человека к изменившимся возможностям осуществления им трудовой деятельности. Как отмечает известный специалист по истории психологии труда О.Г. Носкова, «эту задачу удавалось решить при соотнесении знаний о характере дефекта, сохранных возможностях трудоспособности, возможностях компенсации утраченных функций в труде и о личностных особенностях консультируемого (его профессиональном опыте, уровне квалификации, общем развитии, интересах, отношении к труду в целом и к себе как гражданину общества)» (Климов, Носкова, 1985, с. 7).

Четвертое направление деятельности психологов – психологические основы боевой деятельности, связано с психологическими исследованиями и разработкой рекомендаций по повышению качества подготовки специалистов и бойцов к профессиональной военной деятельности, формированию необходимых личностных, морально-волевых качеств бойцов и командиров, способствующих эффективности их поведения в боевых условиях. В рамках этого направления изучались психологические вопросы дисциплинированности и волевой регуляции, воспитания патриотических чувств и воинского духа, условия развития мужества, смелости и готовности к подвигу и самопожертвованию, факторы преодоления страха, усталости и сохранения работоспособности в различных ситуациях боевой обстановки и т.д.

Пятое направление – изучение общепсихологических и психолого-педагогических проблем. В рамках этого направления проводились исследования познавательной деятельности (при этом охватывались практически все ее уровни – сенсорно-перцептивные, мнемические, речемыслительные процессы) и проблем психического развития; разработка вопросов психологии воспитания (например, всестороннего влияния условий

войны на психику и поведение ребенка и создание на этой основе конкретных психолого-педагогических рекомендаций, проблема формирования личности и характера ребенка, вопросы нравственного и художественного воспитания и др.) и историко-психологические исследования. Работа в рамках последнего направления в отличие от предыдущих не носила явно выраженного прикладного (военного и оборонного) характера и была ориентирована на решение проблем преимущественно фундаментального характера или на мирную жизнь. Хотя, конечно, своего рода мирная и теоретическая направленность этих исследований носила относительный характер, поскольку «и в ней отчетливо отражались и прослеживались веяния военного времени, что, в частности, проявлялось в определении и формулировке исследовательских задач, в отборе используемого для их решения материала» (Кольцова, Олейник, 2006, с. 111).

Помимо указанных общих направлений научно-практической и исследовательской деятельности психологи разрабатывали также и отдельные, конкретные научные темы широкой направленности, решали частные задачи с использованием своих психологических знаний и умений (например, проведение пропагандистской, научно-просветительской, санитарно-гигиенической работы на фронте и в тылу).

Если же говорить не о *направлениях профессиональной* деятельности (теоретической и практической) психологов в годы войны, а о *формах* их участия в достижении победы над врагом, то можно говорить о таких из них, как непосредственное участие в боевых действиях, психологическая экспертиза, консультирование с использованием психологических знаний, психологическое просвещение и образование, психологическое сопровождение деятельности, психологическая и нейропсихологическая коррекция поведения и состояния человека, психологическая подготовка и обучение специалистов, психологическая реабилитация.

Подчеркнем еще раз, что указанные направления и формы научно-исследовательской, научно-практической и прикладной деятельности психологов выделены достаточно условно как минимум по двум причинам: 1) трудно отделить исследовательскую и практическую деятельность (принцип единства теории, эксперимента и практики – см. выше); 2) в течение войны конкретные ученые меняли направления и формы своей деятельности. Приведем два примера.

Известный советский психолог, доктор медицинских и доктор психологических наук, профессор К.К. Платонов (1906-1984 гг.), в годы войны подполковник медицинской службы, был сначала начальником санитарной службы 3-го бомбардировочного авиационного корпуса 1-го Белорусского фронта, а затем – помощником начальника отдела медицинской службы 16-й воздушной армии. Приказом командующего войсками 1-го Белорусского фронта генерала армии К.К. Рокоссовского и члена Военного Совета 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенанта К.Ф. Телегина 27 апреля 1944 г. он был награжден Орденом Красной Звезды. В наградном листе дано обоснование награждения, из которого мы можем узнать, что Платонов «настойчив в проведении профилактических мероприятий», «систематически лично контролирует состояние пищеблоков», «следит за правильным отдыхом и распорядком дня», «добился регулярной организации бань и стирки белья..., хорошего оборудования для медицинской помощи, качественного и своевременного оказания помощи раненым и больным», «неоднократно лично выезжал на передовую линию фронта для выяснения судеб экипажей, подбитых над целью», «лично отправлял раненный летный состав в медсанбаты, с последующей их эвакуацией в авиационные госпитали» (Фронтовой приказ..., 1944, л. 4).

Все эти функции вполне соответствовали занимаемой Платоновым должности военного врача. Однако дальше читаем: «лично проводил занятия с

личным составом частей по первой помощи и противохимической защите. Для этого разработал специальный «задачник», размноженный и разосланный по частям». Здесь уже Константин Константинович проявил себя не просто как врач, а как инициативный преподаватель-методист. Но самое интересное – в конце наградного листа – «Находясь в действующей армии, т. Платонов закончил и передал флагманскому врачу ВВС КА научно-популярную книгу для летного состава «Человек в полете». Для составления этой книги т. Платонов лично произвел один *боевой вылет* (курсив – Ю.Н. и М.Н.)⁵ на передний край обороны немцев на самолете ПЕ-2 и несколько полетов в зону» (там же) (Фронтовой приказ..., 1944, л. 4). Это уже собственно научно-исследовательская деятельность, при этом в формате естественного эксперимента и самонаблюдения с риском для жизни.

Отметим, что в архивных документах находим и еще один приказ о награждении Платонова орденом «Отечественной войны II степени». В наградном листе, помимо других заслуг ученого указано, что орден вручен и за то, что он «в условиях фронта закончил и сдал в печать две книги «Человек в полете» (рекомендации для летчиков) и «Очерки психологии для летчиков», получившие отличные отзывы со стороны летного состава» (Фронтовой приказ..., 1945, л. 2). Представляется, что это первая, если не единственная *боевая награда*, кроме прочего, именно за *научные труды по психологии*.

Отметим в этой связи и еще одно важное обстоятельство. В статуте Ордена «Отечественной войны I и II степени», утвержденном Указом

---

⁵ Напомним, что в соответствии с нормативными документами военного периода боевым вылетом для частей штурмовой и бомбардировочной авиации (а ПЕ-2 – это пикирующий бомбардировщик), боевой вылет засчитывался лишь при подтверждении его результатов материалами фотосъемки. Поэтому, несомненно, что этот полет К.К. Платонова был связан с выполнением конкретной боевой задачи и ее подтвержденным успешным выполнением, в противном случае, вылет не был бы учтен как боевой.

Верховного Совета СССР от 20 мая 1942 г., фиксируется, что им «награждаются лица рядового и начальствующего состава Красной Армии, Военно-Морского Флота, войск НКВД и партизанских отрядов, проявившие в боях за Советскую Родину храбрость, стойкость и мужество, а также военнослужащие, которые своими действиями способствовали успеху боевых операций наших войск» (Сборник законов..., 1956, с. 252). Тем самым можно сказать, что награждение Платонова этим орденом за две книги по психологии (а это указано непосредственно в наградном листе) подчеркивало роль именно психологических знаний в успехе боевых операций и, по сути, выступало одной из предпосылок неофициальной реабилитации психологии после разгромного Постановления ЦК ВКП(б) 1936 г. «О педологических извращениях в системе Наркомпросов». Реабилитации, идущей не в связи с какими-то политическими или идеологическими установками «сверху», а от реальной боевой практики и опыта использования психологических знаний на фронте и в тылу.

Таким образом, от выполнения функциональных обязанностей и осуществления методических разработок к проведению собственно исследовательской работы – таков путь не только Платонова, но и многих других специалистов-психологов в годы войны. Сочетание и разнообразие выполняемой практической, методической и исследовательской деятельности было типичным для того времени.

Другой пример – член-корреспондент АПН СССР, доктор психологических наук, профессор Б.Г. Ананьев в начале войны осуществлял *исследовательскую и научно-практическую* деятельностью по цветомаскировке в Ленинграде (осень 1941 г.). Затем выполнял *психореабилитационную и психокоррекционную* работу по восстановлению утраченных психических функций в эвакогоспиталях в Тбилиси (май 1942 – ноябрь 1943 гг.), а в самом конце войны (начиная с ноября 1943 г.) осуществлял *организационную и педагогическую деятельность* на кафедре педагогики Института

усовершенствования учителей и на созданной им кафедре психологии ЛГУ, проводил *научные изыскания* в созданной им психологической лабораторией ЛГПУ им. А.И. Герцена, вел большую *просветительскую работу*, читая цикл лекций по психологии для жителей города (Борис Герасимович..., 2006, с. 69-77). Такие примеры можно множить многократно (см., например: Кольцова, Олейник, 2006).

Поэтому действительно трудно, если вообще возможно, четко разграничить практическую и теоретическую, научно-исследовательскую и прикладную направления деятельности психологов в годы войны – они осуществлялись в их неразрывном единстве и взаимообусловленности. Но одно является несомненным – психологи, несмотря на все трудности, сумели реализовать свои профессиональные знания и умения, свой профессиональный опыт и подготовку в решении широкого круга задач военного времени, сохранив при этом *морально-нравственные и гуманистические* ориентиры своей деятельности как главные, на что уже обращалось внимание в одной из наших публикаций (Кольцова, Олейник, 2017).

Влияние опыта решения психологических задач в годы войны на развитие психологической науки в послевоенные годы

Развитие психологической науки в годы Великой Отечественной войны существенным образом отразилось на дальнейшей судьбе этой области знания.

Во-первых, существенно возрос и укрепился статус психологии в обществе. Свидетельств этому множество: создание новых учебных, научно-исследовательских и координирующих центров; активизация и увеличение подготовки кадров профессиональных психологов; меры по распространению психологических знаний в обществе, в том числе за счет введения преподавания психологии в средней школе. С полным основанием можно

говорить, что произошел существенный прорыв в институционализации психологии.

Во-вторых, был собран значительный и уникальный эмпирический материал, который позволил ученым сразу после войны подготовить ряд фундаментальных и обобщающих трудов по различным психологическим проблемам – были сформированы новые проблемные области и отрасли психологии (нейропсихология, военная психология), некоторые направления после многих лет забвения получили шанс на свое дальнейшее развитие (социальная психология, психология труда, психодиагностика). Все это расширило отраслевую структуру психологии и укрепило ее положение и авторитет в структуре научных дисциплин в целом.

В-третьих, дан несомненный стимул к развитию психологических исследований и созданию психологических центров в республиках и регионах страны. В результате эвакуации центральных и ведущих психологических образовательных и исследовательских учреждений было оказано стимулирующее воздействие на развитие региональной психологии.

В-четвертых, укрепилось самосознание психологов и психологического сообщества в целом. Был преодолен своего рода «профессиональный шок» после разгромного Постановления 1936 г. Психологи опять получили возможность заниматься реальными прикладными вопросами и темами и служить решению актуальных проблем уже мирного советского общества.

В-пятых, усилился интерес к разработке фундаментальных психологических проблем, поскольку в годы войны именно теоретические наработки предвоенной психологии позволили в кратчайшие сроки успешно решать прикладные задач оборонного времени и находить варианты решения самых разнообразных практических запросов.

В-пятых, интенсифицировался процесс развития самой психологии, возросла творческая продуктивность психологов. Доказательством этому

является представленный в исследовании современного историка психологии О.А. Артемьевой факт роста в годы войны относительного числа публикаций 12 ведущих советских психологов⁶ (не менее 90 публикаций) по сравнению с пятью предвоенными годами (не менее 80 публикаций) и кардинальный рост публикаций этих же ученых в первые пять лет после войны (180 публикаций) (Артемьева, 2019, с. 37). Это свидетельствует, о том, что накопленный опыт и полученные результаты исследований и научно-практических разработок военного периода действительно способствовали бурному развитию психологии, о чем и говорит один из важных показателей развития науки – публикационная активность ее лидеров.

В-шестых, психология обогатилась не только новыми методами и методиками, особенно в области нейропсихологии, но и новыми формами междисциплинарного взаимодействия. В годы войны, как совершенно справедливо отмечает известный историк психологии А.Н. Ждан, «исследования часто имели междисциплинарный характер: психологи работали совместно с физиологами, неврологами, хирургами, травматологами и другими специалистами» (Ждан, 2015, с. 253). Это, если придерживаться психологоцентрического взгляда на структуру науки, можно сказать, прямая форма междисциплинарности, идущая от самой психологии. Однако следует обозначить и другой вариант междисциплинарности, четко проявившийся в этот же период – включение и самих специалистов смежных с психологией наук в решение собственно психологических проблем и вопросов. Это та ситуация, когда «ряд научных подходов и идей, практических технологий, которые впоследствии были развиты в рамках позднее оформившихся психологических направлений и отраслей, в период Великой Отечественной войны рассматривались в русле смежных с психологией наук, в том числе – в

---

⁶ Б.Г. Ананьев, Л.И. Божович, А.В. Запорожец, К.Н. Корнилов, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, В.Н. Мясищев, К.К. Платонов, С.Л. Рубинштейн, А.А. Смирнов, И.В. Страхов, Б.М. Теплов.

медицине и педагогике» (Елисеева, 2019, с. 74). Доказательством этого служат исследования по анализу творческой деятельности главного психиатра Западного фронта, подполковника медицинской службы И.В. Ребельского (Елисеева, 2019), а также других психиатров (Слабинский, 2015; Коханов, Пак, 2016). Такую форму междисциплинарности можно обозначить как «обратная междисциплинарность», идущая от смежных научных дисциплин к психологии.

В-седьмых, советское общество, столкнувшись с многочисленными и самыми разнообразными психологическими проблемами в военные и первые послевоенные годы, продемонстрировало способность к самоорганизации и самопомощи. Отсутствие организованной специализированной и массовой профессиональной психологической помощи компенсировалось коллективистическими установками населения на помощь ближнему часто за счет самоограничения, особенностей менталитета советского народа с его ориентацией на долг и справедливость и интуитивно-эмоциональным, чувственным, а не рационалистическим восприятием действительности. Это позволяло на основе обыденных психологических представлений более или менее успешно в совместном взаимодействии и общении компенсировать невозможность получения индивидуальной профессиональной психологической помощи и поддержки.

Анализируя опыт развития психологической науки в период 1941-1945 гг., можно в полной мере присоединиться к выводам Артемьевой, что: 1) «Великая Отечественная война способствовала развитию как практики психологической помощи, так и основанных на ее материале прикладных научных исследований. Каждый ученый и научное сообщество в целом, все общество работали для фронта и победы. Успешная работа психологов привела к укреплению *авторитета* (курсив – Ю.Н. и М.Н.) психологической науки в целом» (Артемьева, 2019, с. 39-40) и 2) можно «говорить о войне как об

условии развития отечественной психологии наряду с другими социально-политическими, предметно-логическими и персоналистическими факторами. В сложных социальных условиях первой половины XX столетия психологическое сообщество обнаружило способность к *самоорганизации* (курсив – Ю.Н. и М.Н.)» (Артемьева, 2015, с. 251-252).

ВЫВОДЫ

Рассматривая развитие советской психологии в годы Великой Отечественной войны и намечая перспективные векторы дальнейшего исследования этой темы, к уже обозначенным перспективным направлениям (Кольцова, Олейник, 2016) на новом этапе разработки темы добавим еще три возможные линии дальнейших исследований.

Первая из них связана с более детальным и развернутым анализом феномена «обратной междисциплинарности» как формы интеграции специалистов и практиков для решения психологических проблем военного периода. Представляется, что такой вариант междисциплинарности, активно реализующийся в годы войны, свидетельствует, что опыт формирования и развития педологического и психотехнического научно-практических движений в 20-30-е годы XX столетия был не конъюнктурным, не случайным, а закономерным и органичным. И разработка психологических проблем в годы Великой Отечественной войны не только профессиональными психологами, но и практиками и специалистами смежных областей знания, включение их фактически в психологическую работу – это важное направление распространения и развития психологических знаний в обществе и консолидации специалистов в решении актуальных, в том числе и современных психологических проблем. Кстати, в послевоенное время именно такой широкий, реализуемый в разных формах междисциплинарный подход и поддержка ученых других областей знания способствовали более уверенному

развитию психологии, созданию новых направлений психологической науки, организации новых центров психологии.

Вторая перспективная и конструктивная линия в дальнейшей разработке указанной проблематики «Великая Отечественная война и психология», как нам представляется, – это рассмотрение советского общества в годы войны с использованием категории «коллективного субъекта» со всеми тремя присущими этому феномену характеристиками (взаимосвязанность и взаимозависимость индивидов; способность проявлять различные формы совместной деятельности; способность к саморефлексии). Выскажем гипотезу, что именно в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. советское общество завершило свое консолидирование и выступило подлинным «коллективным субъектом». Предыдущие этапы истории советского государства (и революция 1917 г, и Гражданская война, и периоды НЭПа и коллективизации, да и последние предвоенные годы) могут рассматриваться как обеспечивающие с разной степенью эффективности процесс обретения, осмысления и формирования советским народом своей субъектности. И это были важные (оставим за скобками рассмотрение вопроса о том, насколько необходимые и адекватно ли реализованные) этапы ее становления. Однако, как отмечается исследователями, «в полной мере ... быть коллективным субъектом означает быть активным, действующим, интегрированным, т.е. выступающим единым целым, ответственным и т.д.» (Журавлев, 2018, с. 125). Именно таким и выступил советский народ в годы Великой Отечественной войны. На второй, а может на третий план ушли внутривнутриполитическая борьба в партии, идеологические разногласия различных групп населения, мировоззренческие и морально-нравственные различия взглядов отдельных граждан, научные дискуссии и споры, произошел возврат *на государственном уровне* к базовым ментальным ценностям и традициям русского народа, тем более что трактовка советского общества как «коллективного субъекта» не

только допускается, но и предусматривается исследователями, обосновывающими данную концепцию. Как отмечается, «коллективный субъект» может быть представлен в разных формах существования, в том числе одной из них является «общество в целом как организованная совокупность взаимопересекающихся и включенных друг в друга (в соответствии с принципом «матрешки») индивидов, малых, средних и больших социальных групп» (Журавлев, 2018, с. 143).

В этом контексте в разрабатываемой А.Л. Журавлевым и другими исследователями концепции «коллективного субъекта» может быть выделен такой самостоятельный и важный аспект будущих исследований как изучение генезиса формирования «коллективного субъекта» с фиксацией стадий этой динамики и критериев их выделения. И история советского и российского общества, начиная первых лет 20-столетия и по настоящее время, может выступить удобной моделью для такого исследования.

Третьим направлением будущих исследований может выступить изучение форм, методов, механизмов и закономерностей коллективной самопомощи и коллективной самозащиты от тяжести психологических проблем обрушившихся на людей в период Великой Отечественной войны. Выступая «коллективным субъектом», советское общество на этом этапе своей истории фактически проявило себя и как «коллективный психолог», способный за счет внутренних ресурсов, взаимопомощи и поддержки, солидаризации в целом, на основе использования жизненного опыта его членов, интуитивных догадок, житейских психологических представлений и установок, самостоятельно если и не решать, то снижать разрушительное действие этих проблем. Не исключаем, что в данном случае свою позитивную, а возможно и системообразующую роль сыграла и историческая память русского народа. За свою многовековую историю он неоднократно сталкивался с кризисными, если не сказать катастрофическими ситуациями (на грани выживания и существования) и,

соответственно, с необходимостью самостоятельно (без помощи специально подготовленных людей), за счет накопления опыта, по «наитию», методом проб и ошибок, решать стоящие психологические проблемы. Не сомневаемся, что в данной ситуации проявился также осмысленный и отрефлексированный на уровне индивидуального сознания коллективный и индивидуальный опыт, полученный советскими людьми в первой трети XX в. – в годы Гражданской войны и период репрессий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Артемьева О.А. Исследовательская и практическая психология в России в периоды мировых войн XX века // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2019. № 1. С. 33-43. URL: <http://journals.mosgu.ru/trudy/article/view/942> (дата обращения: 03.05.2020). DOI: 10.17805/trudy.2019.1.3.

Артемьева О.А. Война как условие развития научного сообщества в отечественной психологии // Ананьевские чтения-2015: Фундаментальные проблемы психологии: материалы научной конференции, 20-22 октября 2015 г. / Отв. ред. В.М. Аллахвердов. СПб.: СПбГУ. Скифия-принт, 2015. С. 251-252. URL: https://events.spbu.ru/eventsContent/events/2019/anan/2015_sbornik.pdf (дата обращения: 03.05.2020).

Богданчиков С.А. Советская военная психология накануне Великой Отечественной войны // Ананьевские чтения-2015: Фундаментальные проблемы психологии: материалы научной конференции, 20-22 октября 2015 г. / Отв. ред. В.М. Аллахвердов. СПб.: СПбГУ. Скифия-принт, 2015. С. 252. URL: https://events.spbu.ru/eventsContent/events/2019/anan/2015_sbornik.pdf (дата обращения: 03.05.2020)

Борис Герасимович Ананьев: Биография. Воспоминания. Материалы / Автор и составитель Н.А. Логинова. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006.

Горьков Ю.А. Государственный Комитет Обороны постановляет (1941-1945). Цифры, документы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.

Дьячук И.А. Опытная психологическая лаборатория Академии Генерального штаба РККА как прототип психологической службы Вооруженных Сил Российской Федерации // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2019. № 1. С. 53-57. URL: <http://journals.mosgu.ru/trudy/article/view/932> (дата обращения: 03.05.2020). DOI: 10.17805/trudy.2019.1.5.

Елисеева И.Н. Междисциплинарная проблематика работ И.В. Ребельского в годы Великой Отечественной войны // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2019. № 1. С. 73-83. URL: <http://journals.mosgu.ru/trudy/article/view/934> (дата обращения: 02.05.2020). DOI: 10.17805/trudy.2019.1.7.

Ждан А.Н. Фундаментальная наука и практика в советской психологии в годы Великой Отечественной войны (1941-1945) // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2015. № 2. С. 4-14

Журавлев А.Л. Коллективный субъект как феномен и понятие в современной психологии // Разработка понятий в современной психологии / Отв.ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 116-161.

Караяни А.Г. Алтарь Победы // Национальный психологический журнал. 2010. № 1(3). С. 29-33.

Караяни А.Г., Кандыбович С.Л. Психологический фактор Великой Победы // Человеческий капитал. 2020. № 4(136). Дайджест. С. 85-89.

Климов Е.А., Носкова О.Г. Психологические знания о труде – обороне страны (30-40-е годы) // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 1985. № 2. С. 3-7.

Кольцова В.А., Олейник Ю.Н. Психологи в годы Великой Отечественной войны: подвиг на века // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 2. С. 40-51

Кольцова В.А., Олейник Ю.Н. Советская психологическая наука в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). М.: Московский гуманитарный университет, Институт психологии РАН. 2006.

Кольцова В.А., Олейник Ю.Н. Опыт развития психологической науки в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): актуальность и задачи исследования // Опыт решения психологических задач в годы ВОВ (1941-1945 гг.) / Сборник материалов научно-практической конференции. М: ФКУ ЦЭПП МЧС России, 2016. С. 3-8.

Кольцова В.А., Олейник Ю.Н. Советская и немецкая психологии в годы II Мировой войны: теоретико-методологические и прикладные аспекты развития // От истоков к современности: 130 лет Московскому психологическому обществу: Материалы юбилейной конференции: Том 6 / Отв. ред. Д.Б. Богоявленская. М.: Когито-Центр, 2017. С. 227-247.

Кольцова В.А., Олейник Ю.Н. Советская психология в годы Великой Отечественной войны: единство теории, эксперимента и практики // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Психология». 2018. Т. 25. С. 51-58.

Коханов В.П., Пак Е.Т. К вопросу о междисциплинарном подходе в деятельности психиатров в годы Великой Отечественной Войны // Опыт решения психологических задач в годы ВОВ (1941–1945 гг.): сборник материалов научно-практической конференции. М.: ФКУ ЦЭПП МЧС России. 2016. С. 131-161.

Лурия А.Р. Этапы пройденного пути: Научная автобиография. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.

Лысаков Н.Д. Опыт подготовки командных кадров в Военно-Воздушной академии в годы Великой Отечественной войны // Человеческий капитал. 2020. № 3(135). С. 49-54.

Олейник Ю.Н., Няголова М.Д. Опыт Великой Отечественной войны как фактор формирования духовно-нравственных ориентиров современных психологов // Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология. 2019. Т. 27. С. 82-88. <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2019.27.82>.

Петрюк О.П., Петрюк П.Т., Бондаренко Л.И. Династия Платоновых и проблемы психиатрических нейронаук: профессор Константин Константинович Платонов – выдающийся отечественный учёный-экспериментатор, психолог, невропатолог и бывший сабурянин. Сообщение 3 // Психічне здоров'я. 2010. № 4. С. 68-78. URL: <http://www.psychiatry.ua/articles/paper391.htm> (дата обращения: 04.05.2020).

Психология Великой Победы советского народа. Тверь: ИПП «Прометей», 1995.

Радюкин Е.Е., Морозова О.А. Организация психологической работы в Красной Армии в 1920-1936 гг. // Клио. 2010. № 4(51). С.114-115.

Рубинштейн С.Л. Советская психология в условиях Великой Отечественной войны // Под знаменем марксизма. 1943. № 9-10. С. 45-61.

Рыбников Н.А. Тематика советской психологии в условиях Великой Отечественной войны // Вопросы психологии. 2015. № 2. С. 96-103.

Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. / Под ред. к.ю.н. Мандельштам Ю.И. Москва:

Государственное издательство юридической литературы, 1956. С. 252-256

Сенявский А.С. Роль идеологии и пропаганды в формировании феномена массового героизма советских людей в период Великой Отечественной войны // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2012, ноябрь. № 7. Т. 1. С.14-18.

Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999.

Серова О.Е. Психологи внесли вклад в Победу // Человеческий капитал. 2020. № 4(136). Дайджест. С. 130-134.

Слабинский В.Ю. Отечественная психотерапия во время Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестник психотерапии. 2015. № 55(60). С. 7-23.

Телятников Г.В. Сознание общества и харизма вождя в Великой Отечественной войне / Психология Великой Победы советского народа. Тверь: ИПП «Прометей», 1995. С.3-14.

Торопцев А.П. Поколение победителей и вся жизнь (интервью для А. Гранухиной). опубликовано 23.06.2015 / URL: <http://pereprava.org/privacy/3377-pokolenie-pobediteley-i-vsya-zhizn.html> (дата обращения: 03.05.2020).

Фронтвой приказ №: 42/н от: 27.04.1944 // Архив ЦАМО, Фонд: 33, Описание: 686044, Единица хранения: 3481, л. 1-7.

Фронтвой приказ №: 170/н от: 23.01.1945 // Архив ЦАМО, Фонд: 33, Описание: 686196, Единица хранения: 482, л. 1-351.

Холопова Е.С., Толстых А.А. Деятельность отечественных психологов на Урале в годы Великой Отечественной войны // Ананьевские чтения-2015: Фундаментальные проблемы психологии: материалы научной конференции, 20-22 октября 2015 г. / Отв. ред. В.М. Аллахвердов. СПб.:

СПбГУ. Скифия-принт, 2015. С.267-268. URL:
https://events.spbu.ru/eventsContent/events/2019/anan/2015_sbornik.pdf
(дата обращения: 03.05.2020).

BIBLIOGRAFICHESKIJ SPISOK

Artem'eva O.A. Issledovatel'skaya i prakticheskaya psihologiya v Rossii v periody mirovyh vojn НКН veka // Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta. 2019. № 1. S. 33-43. URL: <http://journals.mosgu.ru/trudy/article/view/942> (data obrashcheniya: 03.05.2020). DOI: 10.17805/ trudy.2019.1.3.

Artem'eva O.A. Vojna kak uslovie razvitiya nauchnogo soobshchestva v otechestvennoj psihologii // Anan'evskie chteniya-2015: Fundamental'nye problemy psihologii: materialy nauchnoj konferencii, 20-22 oktyabrya 2015 g. / Otv. red. V.M. Allahverdov. SPb.: SPbGU. Skifiya-print, 2015. S. 251-252. URL: https://events.spbu.ru/eventsContent/events/2019/anan/2015_sbornik.pdf (data obrashcheniya: 03.05.2020).

Bogdanchikov S.A. Sovetskaya voennaya psihologiya nakanune Velikoj Otechestvennoj vojny // Anan'evskie chteniya-2015: Fundamental'nye problemy psihologii: materialy nauchnoj konferencii, 20-22 oktyabrya 2015 g. / Otv. red. V.M. Allahverdov. SPb.: SPbGU. Skifiya-print, 2015. S. 252. URL: https://events.spbu.ru/eventsContent/events/2019/anan/2015_sbornik.pdf (data obrashcheniya: 03.05.2020)

Boris Gerasimovich Anan'ev: Biografiya. Vospominaniya. Materialy / Avtor i sostavitel' N.A. Loginova. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2006.

Gor'kov Yu.A. Gosudarstvennyj Komitet Oborony postanovlyayet (1941-1945). Cifry, dokumenty. M.: OLMA-PRESS, 2002.

D'yachuk I.A. Opytnaya psihologicheskaya laboratoriya Akademii General'nogo shtaba RKKA kak prototip psihologicheskoy sluzhby Vooruzhennyh Sil Rossijskoj Federacii // Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta. 2019. № 1. S. 53-57. URL: <http://journals.mosgu.ru/trudy/article/view/932> (data obrashcheniya: 03.05.2020). DOI: 10.17805/trudy.2019.1.5.

Eliseeva I.N. Mezhdisciplinarnaya problematika rabot I.V. Rebel'skogo v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta. 2019. № 1. S. 73-83. URL: <http://journals.mosgu.ru/trudy/article/view/934> (data obrashcheniya: 02.05.2020). DOI: 10.17805/trudy.2019.1.7.

Zhdan A.N. Fundamental'naya nauka i praktika v sovetskoj psihologii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941-1945) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psihologiya. 2015. № 2. S. 4-14

Zhuravlev A.L. Kollektivnyj sub"ekt kak fenomen i ponyatie v sovremennoj psihologii // Razrabotka ponyatij v sovremennoj psihologii / Otv.red. A.L. ZHuravlev, E.A. Sergienko. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2018. S. 116-161.

Karayani A.G. Altar' Pobedy // Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal. 2010. № 1(3). S. 29-33.

Karayani A.G., Kandybovich S.L. Psihologicheskij faktor Velikoj Pobedy // SHeLovecheskij kapital. 2020. № 4(136). Dajdzhest. S. 85-89.

Klimov E.A., Noskova O.G. Psihologicheskie znaniya o trude – oborone strany (30-40-e gody) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psihologiya. 1985. № 2. S. 3-7.

Kol'cova V.A., Olejnik Yu.N. Psihologi v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: podvig na veka // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2005. № 2. S. 40-51

Kol'cova V.A., Olejnik Yu.N. Sovetskaya psihologicheskaya nauka v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941-1945). M.: Moskovskij gumanitarnyj universitet, Institut psihologii RAN. 2006.

Kol'cova V.A., Olejnik Yu.N. Opyt razvitiya psihologicheskoy nauki v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941-1945 gg.): aktual'nost' i zadachi issledovaniya // Opyt resheniya psihologicheskikh zadach v gody VOV (1941-1945 gg.) / Sbornik materialov nauchno-prakticheskoy konferencii. M: FKU CEPP MCHS Rossii, 2016. S. 3-8.

Kol'cova V.A., Olejnik Yu.N. Sovetskaya i nemeckaya psihologii v gody II Mirovoj vojny: teoretiko-metodologicheskie i prikladnye aspekty razvitiya // Ot istokov k sovremennosti: 130 let Moskovskomu psihologicheskomu obshchestvu: Materialy yubilejnoj konferencii: Tom 6 / Otv. red. D.B. Bogoyavlenskaya. M.: Kogito-Centr, 2017. S. 227-247.

Kol'cova V.A., Olejnik Yu.N. Sovetskaya psihologiya v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: edinstvo teorii, eksperimenta i praktiki // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Psihologiya». 2018. T. 25. S. 51-58.

Kohanov V.P., Pak E.T. K voprosu o mezhdisciplinarnom podhode v deyatel'nosti psihiatrov v gody Velikoj Otechestvennoj Vojny // Opyt resheniya psihologicheskikh zadach v gody VOV (1941–1945 gg.): sbornik materialov nauchno-prakticheskoy konferencii. M.: FKU CEPP MCHS Rossii. 2016. S. 131-161.

Luriya A.R. Etapy projdennogo puti: Nauchnaya avtobiografiya. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1982.

Lysakov N.D. Opyt podgotovki komandnyh kadrov v Voенно-Vozdushnoj akademii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // CHelovecheskij kapital. 2020. № 3(135). S. 49-54.

Olejnik Yu.N., Nyagolova M.D. Opyt Velikoj Otechestvennoj vojny kak faktor formirovaniya duhovno-nravstvennyh orientirov sovremennyh psihologov //

Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Psihologiya. 2019. T. 27. S. 82-88. <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2019.27.82>.

Petryuk O.P., Petryuk P.T., Bondarenko L.I. Dinastiya Platonovyh i problemy psihiatricheskikh nejronauk: professor Konstantin Konstantinovich Platonov – vydayushchijsya otechestvennyj uchyonyj-eksperimentator, psiholog, nevropatolog i byvshij saburyanin. Soobshchenie 3 // Psihichne zdorov'ya. 2010. № 4. S. 68-78. URL: <http://www.psychiatry.ua/articles/paper391.htm> (data obrashcheniya: 04.05.2020).

Psihologiya Velikoj Pobedy sovetskogo naroda. Tver': IPP «Prometej», 1995.

Radyukin E.E., Morozova O.A. Organizaciya psihologicheskoy raboty v Krasnoj Armii v 1920-1936 gg. // Klio. 2010. № 4(51). S.114-115.

Rubinshtejn S.L. Sovetskaya psihologiya v usloviyah Velikoj Otechestvennoj vojny // Pod znamenem marksizma. 1943. № 9-10. S. 45-61.

Rybnikov N.A. Tematika sovetskoj psihologii v usloviyah Velikoj Otechestvennoj vojny // Voprosy psihologii. 2015. № 2. S. 96-103.

Sbornik zakonov SSSR i ukazov Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR. 1938 g. – iyul' 1956 g. / Pod red. k.yu.n. Mandel'shtam YU.I. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury, 1956. S. 252-256

Senyavskij A.S. Rol' ideologii i propagandy v formirovanii fenomena massovogo geroizma sovetskih lyudej v period Velikoj Otechestvennoj vojny // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012, noyabr'. № 7. T. 1. S.14-18.

Senyavskaya E.S. Psihologiya vojny v HKH veke: istoricheskij opyt Rossii. M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 1999.

Serova O.E. Psihologi vnesli vklad v Pobedu // Chelovecheskij kapital. 2020. № 4(136). Dajdzhest. S. 130-134.

Slabinskij V.Yu. Otechestvennaya psihoterapiya vo vremya Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.) // Vestnik psihoterapii. 2015. № 55(60). S. 7-23.

Telyatnikov G.V. Soznanie obshchestva i harizma vozhdya v Velikoj Otechestvennoj vojne / Psihologiya Velikoj Pobedy sovetskogo naroda. Tver': IPP «Prometej», 1995. S.3-14.

Toropcev A.P. Pokolenie pobeditelej i vsya zhizn' (interv'yu dlya A. Granuhinoy). opublikovano 23.06.2015 / URL: <http://pereprava.org/privacy/3377-pokolenie-pobediteley-i-vsya-zhizn.html> (data obrashcheniya: 03.05.2020).

Frontovoj prikaz №: 42/n ot: 27.04.1944 // Arhiv CAMO, Fond: 33, Opis': 686044, Edinica hraneniya: 3481, l. 1-7.

Frontovoj prikaz №: 170/n ot: 23.01.1945 // Arhiv CAMO, Fond: 33, Opis': 686196, Edinica hraneniya: 482, l. 1-351.

Holopova E.S., Tolstyh A.A. Deyatel'nost' otechestvennyh psihologov na Urale v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Anan'evskie chteniya-2015: Fundamental'nye problemy psihologii: materialy nauchnoj konferencii, 20-22 oktyabrya 2015 g. / Otv. red. V.M. Allahverdov. SPb.: SPbGU. Skifiya-print, 2015. S.267-268. URL: https://events.spbu.ru/eventsContent/events/2019/anan/2015_sbornik.pdf (data obrashcheniya: 03.05.2020).

**PSYCHOLOGY AND PSYCHOLOGISTS IN THE YEARS OF WAR
(TO THE 75TH ANNIVERSARY OF THE SOVIET PEOPLE' VICTORY IN
THE GREAT PATRIOTIC WAR)****

Yu.N. Oleynik*, M.D. Nyagolova**

**This work was prepared as part of the RFBR research grant №. 18-513-18017 and as part of the Bulgarian Research Foundation research grant № DNTS Russia 02/19 of 06/18/2018 "The development of psychology in Bulgaria and the Soviet Union during the Second World War: characteristics, features, consequences".

*Ph.D. (psychology), associate professor, head of the department of general psychology and the history of psychology, FSFEE HE «Moscow University for the Humanities»; 5 Youth str., Moscow, 111395; e-mail: yurii03@mail.ru

** Ph.D. (psychology), associate professor of the history of psychology, Veliky Tarnovo University named after Saints Cyril and Methodius, Veliko Tarnovo, Bulgaria. 5003 Bulgaria, Veliko Tarnovo, ul. "Theodosius of Turnovsky" No. 2; e-mail: mdnyagolova@mail.bg

Annotation. The article is devoted to the study of the problem of the development of Soviet psychology during the Great Patriotic War of 1941-1945. The purpose of the study is to identify the features of the development of psychology at a specified time, to identify the main topics of scientific work of psychologists of the war period, and to identify promising lines of further research on this problem. The difficulties that prevented the use of professional psychological knowledge to solve wartime problems were identified. A historiographic analysis of the ideas of modern researchers on the main areas of psychologists' professional activity was carried out. It was shown that psychophysiological studies of vision and hearing could be attributed to them; restoration of the mental functions of the Red Army soldiers damaged because of wounds and brain injuries; rehabilitation of disabled war veterans; psychological foundations of combat activity; the study of general psychological, psychological, pedagogical and historical-psychological problems. The influence of the solution of psychological problems during the war on the development of psychological science in the postwar years was indicated: strengthening the status of psychology in society; expanding the sectoral structure of psychology and increasing its authority in the circle of scientific disciplines; expanding the network of regional psychological centers; development of positive self-awareness of psychologists and the psychological community as a whole; strengthening interest in the event of fundamental psychological problems; the growth of creative productivity of psychologists; enrichment of psychology with new forms of interdisciplinary interaction. The phenomenon of society as a "collective psychologist" is characterized. As conclusions, promising areas of further research on the problem of "Psychology and War" were indicated: the study of the phenomenon of "reverse interdisciplinarity" clearly manifested during the war years; consideration of Soviet society during the war years using the category of "collective subject"; the study of the forms, methods, mechanisms, and patterns of collective self-help and collective self-defense from the severity of psychological problems of the war period.

Keywords: history of psychology, Soviet psychology, military psychology, collective subject, World War II, collective psychologist, psychologists' areas of activity, K.K. Platonov, B.G. Ananyev, F.N. Shemyakin.